

М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ
О СУДЬБЕ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА ПУШКИНА



ВЕЛИКОЕ сокровище русской культуры, драгоценнейшие рукописи Пушкина имеют огромное значение; являясь первоисточником текстов поэта, они дают не только тексты в различных стадиях творческого процесса, но и самый процесс.

Пристальное изучение рукописей показывает, что для Пушкина нередки записи первых нескольких стихов без помарок. Это свидетельствует о том, что первые строки довольно часто слагались им без пера в руках. Но это всё-таки только исключения; записи уже сочиненных в уме стихов составляют ничтожный процент всего его рукописного наследства в части черновых текстов. Сам Пушкин говорил о процессе своего творчества в стихотворении „Осень“:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

Это признание поэта подтверждается при рассмотрении огромного количества рукописных черновых текстов.

Но рукописи Пушкина имеют не только текстологическое значение, но также и чисто биографическое. Именно благодаря изучению рукописей Пушкина мы знаем его неизмеримо шире и глубже, чем знали о нем его современники. На первый взгляд это кажется парадоксом, на самом деле — это бесспорный факт. Ведь огромное количество записей работ Пушкина было для современников совершенно скрыто. Мы не говорим о вещах интимных — это совершенно естественно, — но и все черновые рукописи с многочисленными пометками, — всё это не только для читателей, но и для большинства его друзей оставалось совершенно неизвестным. И только мы теперь, из всего-

написанного Пушкиным, знаем большую часть. Сколько рукописей уничтожено самим поэтом, сколько погибло, — мы этого точно установить не можем, но можно предполагать, что до нас дошла большая часть из того, что вышло из-под пера великого поэта.

Его рукописи прежде всего обращают на себя внимание своими разнообразными типами: и черновые тексты, и перебеленные, превратившиеся снова в черновые (большое количество поправок превращало их из беловых опять в черновые), планы, конспекты, письма, официальные бумаги, разного рода записи, пометы, подсчеты, копии разных произведений других авторов и в стихах, и в прозе, наконец, выписки из книг и рисунки.

Очень разнообразен внешний вид рукописей Пушкина, т. е. оформление, которое они имели: переплетенные тетради, записные книжки, несшитые тетради, представляющие собою пачки листов, вложенных друг в друга, или же лист, исписанный кругом, присоединялся к другому; отдельные листы разного формата — и в лист, и в пол-листа, и в четверть листа, и в восьмушку; наконец, своеобразные рукописи — записи и пометы на книгах. Таких автографов имеется несколько десятков.

В отношении судьбы рукописей их можно разделить на две категории: рукописи, ушедшие от Пушкина при его жизни к разным лицам и учреждениям, и рукописи, которые сохранились и оказались в день смерти в его кабинете.

К первой категории относится большая группа рукописей, — писем. Сколько писем всего было написано Пушкиным — неизвестно. Никаких предположительных подсчетов делать нельзя. На сегодняшний день его писем известно около 800. Они были адресованы 170 лицам. Чтобы понять, много это или мало, приведем справки в отношении других наших классиков. Округляя, можно считать, что писем Льва Толстого сохранилось около 8000, т. е. в десять раз больше, чем писем Пушкина. Но и годы жизни Толстого несравнимы с жизнью Пушкина. Писем Грибоедова, который тоже рано скончался, сохранилось до 150, а писем Лермонтова — всего 50.

Вторая группа рукописей, которые разошлись по многим лицам, это — записи в альбомах. Очень распространенный в те годы обычай писать в альбомах знакомых стихи был большой тягостью для Пушкина. Он многократно жаловался, как этот обычай тяготил его. Но несмотря на всякого рода отговорки, которыми он старался из-

бавиться от этой обременительной традиции, альбомы с записями его стихов и прозы насчитывались, вероятно, десятками, но нам известны только 27.

К этому же роду рукописей относятся официальные бумаги в виде всяких «подписок», «расписок», «заявлений», «прошений». Все они, конечно, делались достоянием канцелярий, подшивались в «дела» и затем переходили в архивы.

Была еще группа рукописей, которые не должны были остаться у автора: это окончательно выверенные цензурно-наборные экземпляры. Для текстолога они представляют первостепенный интерес, так как могли бы дать в ряде случаев более правильный текст, нежели даже печатный, потому что шедшие в набор и цензуру рукописи, несомненно, тщательно просматривались Пушкиным, или лицами, им уполномоченными. Таких чрезвычайно ценных рукописей, к сожалению, почти не имеется; в частности, до нас не дошло ни одной корректуры, правленной Пушкиным, ни в гранках, ни в сверстанном виде.

Из цензурно-наборных рукописей сохранилось всего две: „История Пугачева“, хранящаяся в Ленинградской публичной библиотеке, и рукопись третьей части сборника — „Стихотворения Пушкина“.

О недошедших до нас рукописях Пушкина, вполне понятно, мы располагаем только случайными и очень неполными сведениями. Есть, например, указание на то, что у Пушкина уже в лицее было семь тетрадей его произведений, но ни одна из них не сохранилась. Как теперь известно, большое количество лицейских рукописей было сожжено самим поэтом, о чем он и говорит в своем лицейском стихотворении „Моему Аристарху“.

Очень интересно свидетельство Пушкина об уничтожении им своих автобиографических записок: «в 1821 г., — рассказывает поэт, — начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 г. при открытии несчастного заговора я принужден был сжечь эти записки». Дальше фраза зачеркнута: «Они могли замешать имена многих и, может быть, умножить число жертв». «Не могу не сожалеть о их потере: я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы и короткого знакомства». Если бы этот материал сохранился, то он имел бы совершенно исключительное биографическое значение. Не сохранились также автографы политических стихотворений Пушкина; ноэлей, эпиграмм, знаменитого послания к Чаадаеву. Отсутствие автографов

затрудняет восстановление текстов, в частности, и последних знаменательных слов этого послания, повторяемых сейчас миллионами граждан нашей страны.

Неизвестно, существует ли тетрадь нелегальных политических стихотворений, «презревших печать», по выражению Пушкина, которую он заполнял перед своей ссылкой на Юг у генерал-губернатора Милорадовича. Нет и полного окончательного текста „Деревни“; обнаруженный недавно автограф не дает исчерпывающих материалов. Не найден окончательный текст „Графа Нулина“, нет никаких рукописных текстов шестой главы „Евгения Онегина“. Очевидно, эта глава занимала особую тетрадь, которая целиком пропала. Нет и черновиков трех стихотворений антиправительственного содержания, написанных Пушкиным в 1826 г., после казни декабристов. Эти стихотворения он привез с собой в Москву, рассчитывая прочитать их Николаю I. Теперь уже точно установлено, что кроме „Пророка“ («Духовной жаждою томим») Пушкиным были написаны еще три „Пророка“, т. е., другими словами, кроме цикла „Подражания корану“ он написал еще библейский цикл, состоящий, по крайней мере, из четырех стихотворений. В искаженном виде, в записи, сделанной по памяти, известны фрагментарно 3—4 строчки одного из этих стихотворений, но и только (см. об этом публикацию письма Погодина „Звенья“, № 6).

От написанных Пушкиным осенью 1830 г. в Болдине „Домика в Коломне“, „Скупого рыцаря“, „Каменного гостя“ и ряда лирических стихотворений также не осталось никаких рукописных следов, как и от „Модарта и Сальери“. Рукопись „Пира во время чумы“, посланная Пушкиным редактору-издателю альманаха, барону Е. Ф. Розену, сперва сохранялась у него, затем у его потомков, а совсем недавно ею владел артист театра Корша А. И. Чарин. Но сейчас эта рукопись исчезла из поля зрения, и все поиски ее оказываются тщетными. Она известна нам пока только по фототипическому воспроизведению нескольких начальных строк. Но отсутствие этой рукописи менее важно, чем первоначальных черновиков. Почти так же обстоит дело с рукописью „Пиковой дамы“, от нее остались лишь небольшие наброски. И вообще, можно сказать, что мы не обладаем всеми рукописями больших произведений Пушкина. Это лишает возможности составить исчерпывающую картину всего творческого процесса от момента зарождения произведения до окончательного текста, пошедшего в цензуру и в типографию.

Исключение из этой группы представляют: „Медный всадник“,

предисловие к „Путешествию в Арзрум“ и „Кавказский пленник“, рукописи которых дают почти полный процесс творчества.

Из больших произведений, посланных Пушкиным разным лицам, сохранились вторая глава „Евгения Онегина“, посланная Вяземскому, первая, вторая, третья и четвертая главы „Евгения Онегина“, посланные Жуковскому, „Новый Тарквиний“ (так назывался первоначально „Граф Нулин“), посланный Вяземскому, „Пир во время чумы“, посланный Розену, и „Кавказский пленник“, который был подарен Н. Н. Раевскому.

Первыми собирателями рукописей Пушкина были его товарищи по лицу. Обнаруженный осенью 1928 г. лицейский архив князя А. М. Горчакова дал интереснейшее собрание ранних автографов Пушкина и, в частности, совершенно неизвестную до того времени его поэму в трех песнях „Монах“.

Исключительную судьбу имели две рукописи из числа ушедших от Пушкина при его жизни. Первая, так называемая „тетрадь Всеволожского“, была приготовлена Пушкиным для издания первой книги собрания стихотворений в конце 1819 — начале 1820 гг. Но книга вышла лишь в 1826 г. в значительно измененном виде. Так, по иронии судьбы, первая книга Пушкина в первоначальном виде была издана последней и увидела свет только в 1936 г., в „Летописи“ Государственного литературного музея, в публикации Б. В. Томашевского.

„Тетрадь Всеволожского“ обнаружилась неожиданно. Никто из специалистов не предполагал о ее существовании. Найдена была она в самом неожиданном месте, — в Белграде. Как она туда попала, можно строить только гипотезы (см. указанный том „Летописи“).

Не менее своеобразна судьба и другой рукописи, имеющей название „тетрадь Кашиста“. Одно время она была на виду у пушкинистов, но теперь местонахождение ее неизвестно. Есть основания считать ее погибшей при землетрясении в Японии в 1923 г.

Количество рукописей, разошедшихся при жизни Пушкина по 103 лицам, 13 учреждениям, доходит до 370 (не считая писем). Кроме того, относительно 31 рукописи можно предполагать, что они также ушли от Пушкина при его жизни, но к кому — неизвестно.

Эти рукописи и письма, пройдя не менее 500 владельцев, стали концентрироваться в государственных архивохранилищах и библиотеках, начиная еще с середины пятидесятых годов. С тех пор, порой

медленно, порой более ускоренно, происходил процесс концентрации и национализации рукописей, и особенно интенсивно начал развиваться, когда организовался в системе Академии Наук „Пушкинский дом“.

За последние пять лет очень плодотворно проходит соби- рание пушкинских рукописей Государственным литературным музеем в Москве. Этот музей по количеству собранных за столь короткий срок рукописей вышел на одно из первых мест в стране.

Из государственных архивных хранилищ и библиотек на первом месте по количеству собранных рукописей стоит „Пушкинский дом“ Академии Наук. Но по значимости рукописей — собрание автографов поэта — первое место занимает Всесоюзная библиотека им. В. И. Ле- нина в Москве. Третье место принадлежит Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. За ней идет Государствен- ный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). И, наконец, Государственный литературный музей, собрание рукописей которого создано, главным образом, путем приобретения их от частных вла- дельцев и учреждений. Остальные хранилища имеют не собрания, а только отдельные автографы. Это — Государственный историче- ский музей в Москве, Институт мировой литературы им. Горького, Библиотека Московского университета, Московский областной архив, Музей революции в Ленинграде, Архив Академии Наук, Историче- ский музей в Киеве, Библиотека Киевского университета, Библио- тека Харьковского университета, Одесский исторический архив, Ереванский музей и другие.

Рукописи Пушкина имеются и за границей. В музее Мицкевича в Париже имеется записка к Шимаховской; в Авиньоне хранится рукопись „Гусара“, подаренная приятелем Пушкина Соболевским Просперу Мериме. Она известна по фотографии, воспроизведенной в „Летописях Государственного литературного музея“. В Праге в Чешском музее есть ранний автограф 1815—1816 гг. — черновик стихотворения „К Делии“, принадлежавший акад. Я. К. Гроту. Королевская библиотека в Берлине является обладательницей цен- ного собрания пушкинских рукописей, известных нам по фотогра- фиям. Рукописями Пушкина в настоящее время еще владеют и частные лица, но их не более десятка и каждый из них имеет лишь по одному автографу.

Такова в общих чертах судьба рукописей Пушкина, которые мы отнесли к первой категории.

Перейдем к рукописям, оказавшимся в день смерти Пушкина в его кабинете.

28 января, накануне смерти поэта, Николай I отдал распоряжение Жуковскому: «Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги, ты после сам рассмотришь». Во исполнение этого повеления 29 января, в день смерти поэта, Жуковский «спустя 3/4 часа после кончины», когда «тело вынесли в ближнюю горницу», «запечатал кабинет своей печатью» и затем изложил Николаю I свое мнение — как следует поступить с бумагами покойного:

«1. Бумаги, кои по своему содержанию могут быть во вред памяти Пушкина — сжечь».

«2. Письма от посторонних лиц, к нему писанные, возвратить тем, кои к нему их писали».

«3. Оставшиеся сочинения как самого Пушкина, так и те, которые были ему доставлены для помещения в „Современнике“, и другие такого же рода бумаги сохранить».

«4. Бумаги, взятые из государственного архива, и другие казенные — возвратить по принадлежности».

То обстоятельство, что пункт о «вредных» бумагах поставлен Жуковским первым, свидетельствует об интересе, который проявлял Николай I к бумагам покойного. Распоряжение о запечатании кабинета было продиктовано Николаю I не мыслью о сохранении рукописей, а прежде всего боязнью, как бы не разошлись «вредные бумаги».

До сих пор существует предположение, что среди бумаг Пушкина, находившихся в его кабинете, были обнаружены какие-то рукописи противоправительственного содержания, уничтоженные затем жандармами. Эти предположения совершенно неосновательны; никаких рукописей, находившихся в кабинете Пушкина, жандармы не уничтожали. Это подтверждается, например, тем, что зашифрованные строки десятой главы „Евгения Онегина“, не понятые жандармами, не были уничтожены. Шифровка Пушкина сыграла свою спасительную роль.

На все предложения Жуковского Николай I, в разговоре с ним, «благогосклонно изъявил» свое согласие, но очень скоро взял его фактически обратно; по представлению Бенкендорфа, он назначил разбирать бумаги Пушкина, кроме Жуковского, начальника штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельта.

Узнав об этом, Жуковский, при всей своей смиренности, обиделся и даже хотел отказаться от возложенного на него поручения, о чем

собирался написать Николаю. В черновике этого не отправленного письма говорится: «Чиновник жандармской полиции помогает» [это зачеркнуто], «генералу Дубельту поручено помогать мне». «По-настоящему в этом деле я лишний» [это зачеркнуто]. «По-настоящему, мне надо было бы испросить у вашего величества увольнения меня от такого дела, в коем участие совершенно стало излишним, но я этого не сделал из благодарности к той доверенности, внушившей вам первое ваше повеление;... и, во-вторых, из дружбы к мертвому Пушкину, коему хотел я оказать последнюю услугу сохранения бумаг его, будучи наперед уверен, что в них не найдется ничего достойного преследования высшей полиции».

Получив в «помощники» Дубельта, Жуковский изложил в письме от 5 февраля к Бенкендорфу приведенные выше соображения, считая нужным запросить шефа жандармов, угодно ли будет Николаю, «чтобы и теперь, когда я буду рассматривать бумаги Пушкина вместе с генералом Дубельтом, следовал я тому расположению, о котором было уже мною лично представлено государю императору, и на которое его величеству благоугодно было согласиться».

После отправления этого письма, Жуковский, узнав о новом оскорбительном для него распоряжении Бенкендорфа, вновь написал ему:

«Милостивый государь, граф Александр Христофорович!

Генерал Дубельт сообщил мне желание вашего сиятельства, чтобы бумаги Пушкина рассматривались бы мною и им в вашем кабинете. Если в нем выражается воля государя императора, повинуюсь беспрекословно. Если это только одно собственное желание вашего сиятельства, то я также готов исполнить его, но позволю себе сделать однако замечание: я имею другие занятия, и для меня было бы гораздо удобнее рассматривать бумаги Пушкина у себя, нежели в другом месте. Ваше сиятельство можете быть уверены, что я к этим бумагам, однако, не прикоснусь. Они будут самим генералом Дубельтом со стола в кабинете Пушкина положены в сундук; этот сундук будет перевезен его же чиновником ко мне, запечатанный его и моею печатью. Эти печати будут сниматься при начале каждого разбора и будут налагаемы снова самим генералом всякий раз, как скоро генералу будет нужно удалиться. Следовательно, за верность их сохранения ручаться можно. С таким распоряжением время, нужное мне на другие занятия, сохранится.

Прошу ваше сиятельство сделать мне честь уведомить меня, может ли быть принято мое предложение.

С совершенным почтением честь имею быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою.

В. Жуковский».

На оба письма Бенкендорф послал Жуковскому очень тонко составленный ответ:

«Милостивый государь, Василий Андреевич!

Получив два письма вашего превосходительства от 5 числа с. м., я имел счастье повергать оные на высочайшее благоусмотрение и спешаю иметь честь ответить. Бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мне для моего прочтения. Мера сия принимается отнюдь не в намерении вредить покойному в каком бы то ни было случае, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто от наблюдения правительства, бдительность коего должна быть обращена на все возможные предметы. По прочтении этих бумаг, ежели таковые найдутся, они будут немедленно преданы огню в вашем присутствии.

По той же причине все письма посторонних лиц, к нему писанные, будут, как вы изволите предполагать, возвращены тем, кои к нему их писали, не иначе, как после моего прочтения.

Предложение вашего превосходительства, относительно оставления сочинений как самого Пушкина, так, и тех кои были ему доставлены для помещения в „Современнике“, и другие такого рода бумаги, — будет исполнено с точностью, но также после предварительного их рассмотрения, дабы можно было сделать разбор, которые из них могут быть допущены к печати, которые возвратит к сочинителям и которые истребить совершенно.

Бумаги, взятые из государственного архива, и другие казенные должны быть возвращены по принадлежности и, дабы иметь верное сведение об оных, я вместе с сим отнесся к г-ну вице-канцлеру графу Нессельроде. Письма вдовы покойного будут немедленно возвращены ей без подробного их прочтения, но только с наблюдением о точности ее почерка». ¹

«Наконец, приемлю честь сообщить вашему превосходительству, что предложение рассматривать бумаги Пушкина в моем кабинете было сделано мною до получения второго письма вашего, и единствен-

¹ При внимательном рассмотрении почерка, конечно, нельзя было бы не прочесть писем.

но в том предположении, дабы, с одной стороны, отклонить наималейшее беспокойство от госпожи Пушкиной, с другой же — дать некоторую благовидность, что бумаги рассматриваются в таком месте, где нечаянная утрата оных не может быть предполагаема. Но как по другим занятиям вашим вы изволите находить эту меру для вас затруднительною, то для большего доказательства моей совершенной к вам доверенности я приказал генерал-майору Дубельту, чтобы все бумаги Пушкина рассмотрены были в покоях вашего превосходительства).

Это письмо показывает, как царское правительство относилось к разбору бумаг Пушкина. Совершенно очевидно, что оно преследовало чисто политическую цель, и Жуковский должен был присутствовать при своего рода «посмертном обыске» в кабинете Пушкина, в сущности, в качестве понятого.

Но Дубельт, проявив свое жандармское рвение, достаточно тщательно разобрал бумаги Пушкина.

Занятиям его велся „журнал“, документ исключительной важности для истории рукописей Пушкина.

Вот что значит в первой записи этого „журнала“ от 7 февраля (с 29 января до 7 февраля кабинет Пушкина оставался опечатанным):

«В присутствии действительного статского советника Жуковского и генерал-майора Дубельта был распечатан кабинет покойного камер-юнкера Александра Сергеевича Пушкина и все принадлежавшие покойному бумаги, письма и книги в рукописях собраны, уложены в два сундука и запечатанные перевезены в квартиру действительного статского советника Жуковского, где и поставлены в особенной комнате. Печати приложены: одна Штаба корпуса жандармов, другая г-на Жуковского, ключи от сундуков приняты на сохранение генерал-майором Дубельтом, дверь комнаты, в которой поставлены сундуки, также запечатана обеими печатями.

Действ. ст. сов. *Жуковский*.
Генерал-майор *Дубельт*».

На основании записей „журнала“ и писем Жуковского можно с достаточной полнотой представить работу Дубельта.

В течение 8 и 9 февраля производились предварительный разбор и сортировка всех бумаг, взятых из кабинета поэта: старопечатных книг, чужих рукописей (например, полученных Пушкиным от князя Долгорукова), писем к Пушкину, рукописей произведений, присылавшихся в „Современник“. Закончив эту разборку, Дубельт 10 февраля приступил к самому важному для жандарма делу, чтению

писем к Пушкину. Это и дает основание характеризовать работу по разбору пушкинских рукописей, как «посмертный обыск».

У кого, кроме жандарма, могло явиться намерение прежде всего обратиться к письмам, адресованным Пушкину, а не к рукописям самого поэта. Но Дубельт проделал то, что должен был проделать жандарм. Его, в первую очередь, интересовали письма князя П. А. Вяземского, находившегося в прошлом на большом подозрении у жандармерии из-за своей резкой оппозиционной настроенности, хотя ко времени разбора пушкинских бумаг он уже считался лояльно-мыслящим. Вследствие исключительно неразборчивого почерка Вяземского, чтение его писем заняло целых три дня (10—12 февраля) и часть четвертого (13 февраля). Нет сомнения, что они были прочтены «от доски до доски».

Затем Дубельт заинтересовался письмами казненного декабриста Рылеева, хотя он, казненный, казалось бы уже вышел из сферы наблюдения жандармов. В третью очередь были прочитаны письма декабриста Кюхельбекера и другого приятеля Пушкина, Дельвига, также находившегося в свое время на плохом счету у III Отделения. Наконец, Дубельт позволил себе в присутствии Жуковского прочитать все его письма к Пушкину. О том, что письма Жуковского читались Дубельтом, в протоколе умалчивается. Но в первой редакции неотправленного письма Жуковского от 25—26 февраля к Бенкендорфу он писал: «сии последние генерал Дубельт прочитал; они по моему желанию спиты в 4 тетради и закреплены казенными печатями и могут быть во всякое время предоставлены для прочтения».

Из этих строк видно, как Жуковскому приходилось защищать не только Пушкина, но и себя.

Теперь, после опубликования письма Геккерна, обнаруженного в Голландском министерстве иностранных дел, становится ясно, в чем дело. Геккери в этом письме говорит о Жуковском, как о главе антиправительственной партии. Поэтому так подозрительно и относились жандармы к Жуковскому. И вообще роль Жуковского в это время была незавидная. В черновике неотправленного письма Николаю он писал:

«Признаюсь, государь, мое положение было чрезвычайно тягостное. Хотя я сам и не читал ни одного из писем, а предоставил это исключительно моему товарищу генералу Дубельту, но всё было мне при-
скорбно, так сказать, присутствием своим принимать участие в нарушении семейственной тайны, передо мною раскрывались письма моих

знакомых: я мог бояться, что писанное в разное время, в разные лета, в разных расположениях духа людьми, еще существующими, в своей совокупности произвело впечатление, совершенно ложное на счет их — к счастью этого не случилось».

Затем Дубельт приступил к письмам самого Пушкина. Но на этот счет поживы оказалось мало. В кабинете поэта остались только одно его письмо к жене да различные черновики, не представлявшие для жандарма никакого интереса, но, очевидно, и они были прочтены, так как в журнале Дубельта значится — «занимался чтением писем Пушкина».

Далее Дубельт перешел к просмотру писем других корреспондентов. Таких писем было не менее 135, как теперь известно. Но в „журнале“ значится только 86. Возможно, что остальные письма не просматривались, или они как-нибудь отделились. Пока Дубельт занимался чтением писем, писаря, или писарь — неизвестно, сколько их было — занимались работой, оказавшейся очень полезной и для потомства. Листы в переплетенных тетрадах, пачки несчитых листов и отдельные листы они по середине страницы перенумеровали красными чернилами. Таким образом, была сделана охранная пагинация для всех переплетенных тетрадей, на основании которой теперь точно устанавливается, каких листов не хватает. Красные цифры на отдельных листах свидетельствуют, что эти рукописи были в день смерти Пушкина в его кабинете. Для исследователя эта пагинация очень важна.

Как же просматривались рукописи произведений Пушкина? За один день 22 февраля были «пересмотрены», очевидно поверхностно, сразу восемнадцать переплетенных тетрадей, заключающих, главным образом, стихотворные тексты. Видимо, Дубельт не умел выискивать в текстах Пушкина «крамольные» места. 23 и 24 февраля им были «пересмотрены прозаические отрывки в шестнадцати тетрадах и трех пачках, состоящих из отдельных листов». Стихотворными текстами Дубельт почти не интересовался. Жандармские писаря, по его поручению, отделяли листы с прозой от листов со стихами, но делали это весьма своеобразно. Так, зашифрованные записи строф десятой главы „Евгения Онегина“ попали в число прозаических текстов. 24 февраля было последним днем работы пятнадцатидневных занятий Дубельта. 25 февраля уже была составлена полная опись всех рукописей и направлена на утверждение Николая I, который пометил на ее полях, куда должна поступить та или другая

рукопись. В тот же день все рукописи Пушкина, за исключением одной („Записки Екатерины II“), были вручены Жуковскому, т. е. оставлены у него на квартире. Сделано это было по просьбе Жуковского, который вынужден был в письме к Бенкендорфу от 25 или 26 февраля так пространно доказывать свое, казалось бы, неоспоримое право заниматься рукописями Пушкина:

«Приступая к напечатанию полного собрания сочинений Пушкина,—писал Жуковский,—и взяв на себя обязанность издать на нынешний год в пользу его семейства четыре книги „Современника“, я должен иметь перед глазами манускрипты Пушкина и прошу позволения их у себя оставить с обязательством не выпускать их из своих рук и не позволять списывать ничего, кроме единственно того, что будет выбрано мною самим для помещения в „Современнике“ и в полном издании сочинений Пушкина с одобрения цензуры. Сии манускрипты, занумерованные, записанные в протокол и в особый реестр, всегда будут у меня на-лицо, и я всякую минуту буду готов представить их на рассмотрение правительства. Хотя и теперь после внимательного разбора вполне убежден, что между сими рукописями ничего предосудительного памяти Пушкина и вредного обществу не находится, но для собственной безопасности наперед протестую перед вашим сиятельством против всего, что может современным, как это бывало часто и прежде, распущено быть в манускриптах под именем Пушкина. Если бы паче чаяния и нашлось в бумагах его что-нибудь предосудительное, то я разносчиком такого рода сочинений не буду и списка их никому не дам. В этом уверяю один раз навсегда, а всё противное этому один раз навсегда отвергаю». ¹

Против рукописи „Записки Екатерины II“ Николай пометил: «Ко мне». Эти записки имели в свое время важнейшее государственное значение. Когда они были опубликованы Герценом за границей, это явилось таким скандальным событием, от которого пришел в трепет весь двор Александра II. И было отчего. В записках говорилось, например, довольно определенно, что Павел не сын Петра III.

Пушкин, занимаясь в библиотеке графа М. С. Воронцова в Одессе, списал их для себя и давал читать вел. кн. Елене Павловне, супруге Михаила Павловича, о чем есть запись в дневнике поэта. Николай I знал о существовании копий этих записок. Он собирал их через III Отделение и уничтожал. Очевидно, и копия, принадлежавшая Пушкину, была уничтожена Николаем, но не исключена

¹ Щегелев. Дуэль и смерть Пушкина, 1928, стр. 243.

возможность, что она существует. Розыски этой рукописи — одна из актуальнейших задач Централархива в отношении пополнения пушкинского рукописного наследства.

Жуковский, занявшись поступившими в его распоряжение рукописями, поделился впечатлением о прочитанном в них со своим приятелем, поэтом И. И. Дмитриевым, написав ему письмо, строки которого являются первым свидетельством человека, впервые увидевшего черновые рукописи Пушкина. С этого письма нужно начинать историю пушкинской текстологии.

«Милостивый государь Иван Иванович, — писал Жуковский, — я поручил Ю.Н. Бартеневу доставить вам экземпляр нового издания моих сочинений и особенный экземпляр „Ундины“. Прошу учителя принять благосклонно приношение ученика. Наперед знаю, что вы будете меня бранить за мои гекзаметры. Что же мне делать. Я их люблю; я уверен, что никакой метр не имеет столько разнообразия, не может быть столько удобен как для высокого, так и для самого простого слога. И не должно думать, чтобы этим метром, избавленным от рифм, было писать легко. Я знаю по опыту, как трудно. Это вы знаете лучше меня, что именно то, что кажется простым, выпрыгнувшим прямо из головы на бумагу, стоит наибольшего труда. Это, я теперь вижу из доставленных мне манускриптов Пушкина, которые, к несчастью, должен разбирать. Это навыворот. Ему бы следовало то делать для меня, что мне довелось делать для него. Судьба, как и поэты, охотница до инверзии. С каким трудом писал он свои легкие, летучие стихи. Нет строки, которая бы не была несколько раз перемарана. Но в этом-то и заключается тайная прелесть творения. Что было бы с наслаждением поэта, когда бы он мог производить без труда, — всё бы очарование его пропало»...

Самыми значительными черновыми рукописями Пушкина являются его рабочие тетради. Первая их особенность, которая сразу бросается в глаза, — это разнообразие их содержания. Пушкин имел в виду свои тетради, когда писал об альбоме Онегина:

В сафьяне, по краям окован,
Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом.
Среди бессвязного маранья
Мелькали мысли, примечанья
Портреты, буквы, имена
И думы тайной письмена.

Тетради Пушкина с огромной выразительностью отражают многотемность и многопланность его творений. Например, части одних произведений встречаются со строфами „Евгения Онегина“, наброски стихотворений перебиваются черновиками писем, черновые тексты художественной и критической прозы находятся в соседстве с записями автобиографического характера. На многих страницах имеются пометы, «думы тайной письмена», разгадкой смысла которых занимается не одно поколение пушкинистов. И, наконец, разбросанные на 450 страницах до двух тысяч рисунков поэта придают тетрадам еще бóльшую выразительность, которая позволяет почувствовать, как ни что другое, живого, творящего Пушкина.

Таким образом, большинство своих тетрадей Пушкин заполнял не по порядку, страница за страницей, а в разбивку. Всё это чрезвычайно осложняет хронологизацию текстов, и до сих пор еще нет полной картины процесса работы поэта. Надо надеяться, что работа коллектива текстологов над академическим изданием полного собрания сочинений Пушкина и над фототипическим изданием его рукописей даст возможность в короткий срок получить данные, которые позволят привести всё рукописное наследство Пушкина в хронологический порядок.

У Пушкина ко дню смерти было девятнадцать переплетенных черновых тетрадей. Самая ранняя из сохранившихся тетрадей была заведена в лицее в январе 1817 г. (№ 2364, ЛБ).¹ Задумав издать отдельной книгой собрание своих стихотворений, Пушкин решил переписать в тетрадь те из них, которые он должен был показать Жуковскому как своему учителю. Это явилось большим событием в жизни лицея. Двадцать три лицеиста приняли участие в качестве переписчиков. Из сорока одного стихотворения лишь шесть переписаны самим Пушкиным.

Но очень скоро переписанные в тетрадь беловые тексты стали превращаться в черновые, — так значительно переделывал их Пушкин после указаний Жуковского. Судя по текстам, Пушкин не менее семи раз в течение двух с лишним лет возвращался к правке этих стихотворений, прежде чем переписать их в новую (не дошедшую до нас) тетрадь. Оставшимися в тетради чистыми листами Пушкин стал пользоваться уже во второй половине 1817 г., когда работал над новыми произведениями и в первую очередь над „Русланом и Людмилой“.

¹ Здесь и дальше ЛБ означает Всесоюзную библиотеку им. Ленина.

Вторая тетрадь (размером в $\frac{1}{8}$ листа) была заведена 15 июня 1820 г. на Кавказе (№ 42, ПБ).¹ В ней имеются черновой текст „Кавказского пленника“ и наброски ряда стихотворений 1820—1822 гг.

В Кишиневе были заведены три тетради (все в $\frac{1}{4}$ листа). Первая стала заполняться в конце 1820 г. (№ 2365, ЛБ). Начинается „Кавказским пленником“, затем идут черновики стихотворений, план „Гавриилиады“, черновой текст которой, надо полагать, находился на вырванных из тетради листах, наброски неоконченной комедии, план „Братьев разбойников“ и разного рода записи.

Второй кишиневской тетрадью Пушкин пользовался, вероятно, с начала 1822 г. и в 1823 г. (№ 2366, ЛБ). В нее вошли планы ненаписанной поэмы из древней русской истории „Царь Никита“, черновики стихотворений и писем.

Третья кишиневская тетрадь (№ 2367, ЛБ), первоначально предназначенная для сборника антологических стихотворений, имеет на первой странице заглавие: „Эпиграммы во вкусе древних“. На внутренней стороне передней крышки переплета имеется эпитафия из Андре Шенье, позднее использованный Пушкиным для своей элегии, посвященной французскому поэту: «Ainsi triste et captif ma lyre toutefois s'éveillait».² Эта тетрадь была начата в 1821 г., но пользовался ею поэт в разное время вплоть до 1830 г., поэтому содержание ее очень разнообразно: стихи, наброски критических заметок.. „История села Горюхина“, письма, заметки о деятеле Смутного времени Г. Г. Пушкине и набросок из „Арапа Петра Великого“.

Очень оригинально происхождение следующих трех тетрадей. Приятель Пушкина по Кишиневу Н. С. Алексеев, как казначей масонской ложи „Овидий“, имел тетради (размером в лист) для бухгалтерских записей. Как полагалось, на их передней крышке черного кожаного переплета вытиснут масонский знак — буквы «ОУ», в треугольнике. Ложа закрылась 9 декабря 1821 г., но тетради были подарены Алексеевым Пушкину, очевидно, позднее, судя по дате, стоящей на внутренней стороне передней крышки переплета первой из этих тетрадей (№ 2369, ЛБ), лишь 27 мая 1822 г. А писать в ней поэт начал только в 1823 г. Эта тетрадь замечательна тем, что в ней 28 мая 1823 г. начаты „Евгений Онегин“, а в 1824 г. — „Цыганы“.

Вторая масонская тетрадь (№ 2370, ЛБ) стала заполняться в Одессе в мае 1824 г. В этой тетради начат „Борис Годунов“, полной черновой рукописи которого не сохранилось.

¹ Здесь и дальше ПБ означает Пушкинскую библиотеку РСФСР в Ленинграде.

² Но хоть и был я печальным пленником, всё же моя лира пробуждалась..

В третьей масонской тетради, начатой в Михайловском (№ 2368, ЛБ), имеются конец „Цыган“ и строфы шестой и седьмой глав „Евгения Онегина“. В первой половине ноября 1824 г., перевернув тетрадь верхом вниз, Пушкин стал заполнять последние листы ее записями сказок со слов Арины Родионовны. Такой прием для отделения текстов одного жанра от другого применялся Пушкиным неоднократно. Под впечатлением сказок Арины Родионовны поэт на внутренней стороне задней крышки переплета написал стихи: „У лукоморья дуб зеленый“, впоследствии составившие пролог к „Руслану и Людмиле“.

Следующая тетрадь (альбом в красном бумажном переплете, № 2371, ЛБ) была заготовлена в 1827 г., но начала заполняться разного рода текстами в последовательном порядке в 1828 г. Центральное место в ней занимает черновой текст „Полтавы“.

Для перебеленного текста этой поэмы Пушкин завел новую тетрадь (альбом в темном сафьяновом переплете, № 2372, ЛБ),¹ но перебеленный текст скоро опять превратился в черновой, а оставшиеся чистые листы были использованы поэтом для разных записей.

К 1828 г. относится тетрадь (в $\frac{1}{8}$ листа) в коричневом мраморном переплете (№ 43, ПБ), которой поэт пользовался и позднее, в 1830—1833 гг. В ней записаны строфы из седьмой главы „Евгения Онегина“, стихотворение „На перевод Илиады“, опыты перевода с испанского языка на французский, деловые записи, еврейская азбука и заметки о библиотеке Вольтера.

Выехав 10 марта 1829 г. из Петербурга в Тифлис, Пушкин взял с собой толстую тетрадь в лист, которую начал заполнять 15 мая в Георгиевске (первая арзрумская тетрадь, № 2382, ЛБ). Кроме черновика „Путешествия в Арзрум“, в тетради имеются черновики стихотворений, вызванных поездкой в Закавказье, и критических заметок, наброски художественной прозы и другие разнообразные записи. Всё это записано в тетради вразброд.

Следующей тетрадью является вторая арзрумская (№ 2373, ЛБ). Заполнялась она в 1830—1833 гг. Здесь имеются записанные в беспорядке черновики неоконченной поэмы о Тазите и „Родословной моего героя“, записи стихотворений Мицкевича, выписки из книг, наброски к „Пиковой даме“. Больше двух третей листов остались чистыми.

Во время путешествия в Оренбург Пушкин имел с собой тетрадь (в $\frac{1}{8}$ листа, № 44, ПБ), в которой делал записи рассказов о Пуга-

¹ Этот альбом изображен на картине П. П. Кончаловского „Пушкин“.

чеве, казачьих песен, дорожных впечатлений, и здесь же (с другого конца тетради) набросок стихотворения „В славной Муромской земле“.

В 1833—1835 гг. Пушкин писал в альбоме (с листами разноцветной бумаги), вырванном из переплета (№ 2374, ЛБ). Альбом заполнялся с двух концов (верхом вниз). Содержание альбома очень разнообразно: черновики стихотворений „Французских рифмачей суровый судия“, „Он между нами жил...“, „Свят Иван, как пить мы станем...“, „В поле чистом серебрится...“, „Полководец“ и др.; черновики „Медного всадника“, „Анджело“, „Сказки о золотом петушке“, наброски к „Капитанской дочке“, перевод из Вордсворта, список произведений в прозе.¹

Последняя известная нам черновая тетрадь Пушкина размером в лист, в бумажном переплете (№ 2384, ЛБ), начата в 1833 г. В ней много страниц осталось чистыми. Первая половина этой тетради занята черновиком статьи „Путешествие из Москвы в Петербург“, (называвшейся раньше „Мысли на дороге“), во второй — черновики статей „О ничтожестве литературы русской“, „Сцены из рыцарских времен“, „Вновь я посетил...“, „На выздоровление Лукулла“ и на последней странице — стихотворение „Я памятник воздвиг себе нерукотворный“.

Кроме этих тетрадей есть еще три переплетенных тетради Пушкина: альбом в черном бумажном переплете с текстом „Арапа Петра Великого“ (№ 2378, ЛБ), тетрадь с выписками из французских книг и газет для задуманной работы по истории Великой буржуазной французской революции (№ 2377, ЛБ) и дневник. Первые две тетради в числе других рукописей были пожертвованы сыном поэта А. А. Пушкиным в Румянцевский музей, дневник же поступил во Всесоюзную библиотеку им. В. И. Ленина лишь в 1919 г.

Вторую группу рукописей, из находившихся в день смерти Пушкина в его кабинете, составляют двадцать шесть непереплетенных тетрадей: тринадцать тетрадей „Капитанской дочке“ (№ 2381, ЛБ), три — статьи „Александр Радищев“ (№ 2385 А, Б, В, ЛБ) и десять — „История Пугачева“ (№ 2390, ЛБ). Последние тетради просматривались дарем, сделавшим на полях рукописей ряд замечаний. Все эти тетради также поступили в Румянцевский музей от А. А. Пушкина.

К этой же группе рукописей нужно присоединить и тридцать

¹ Фототипическое воспроизведение этого альбома составляет первый выпуск издания „Рукописи Пушкина“, предпринятого Пушкинской комиссией Академии Наук СССР.

одну переплетенную тетрадь с выписками Пушкина из „Деяний Петра Великого“ Голикова. Девять из этих тетрадей неизвестно где и когда пропали, двадцать две хранились вместе с библиотекой Пушкина в подвалах казарм лейб-гвардии Конного полка, которым командовал П. П. Ланской, второй муж Н. Н. Пушкиной, затем сыном поэта Александром Александровичем рукописи были перевезены в имение Ивановское (Бронницкий уезд, Московской губ.), откуда в 1866 г. их переправили в имение Лопасня (под Москвою). Здесь в 1917 г. и был обнаружен ящик с рукописями, в числе которых оказались эти двадцать две тетради.

От внука поэта, владельца этих рукописей, Григория Александровича Пушкина они поступили к пушкинисту П. Е. Шеголеву, в свою очередь передавшему их в 1924 г. в „Пушкинский дом“.

К третьей группе рукописей, находившихся в кабинете Пушкина в день его смерти, принадлежат исписанные отдельные листы, вложенные в обложки. Все они поступили от А. А. Пушкина в Румянцевский музей и заинвентаризованы в виде семи архивных единиц.

Среди этих рукописей первое место по количеству листов (264) занимают „Материалы для Пугачевского бунта“ почти все написанные рукой Пушкина (№ 2391, ЛБ). Описания этих материалов в печати еще не появлялось. Затем идут „Записки бригадира Моро де-Бразе“ (93 листа, № 2389, ЛБ), „Повести Белкина“ (62 листа, 2379, ЛБ). „О Камчатке“ (17 листов, № 2388, ЛБ) и копии писем Петра I (4 листа, № 2388 Б и № 2388 В, ЛБ).

Четвертую группу рукописей этой же категории составляют отдельные листы, сшитые жандармами в целях сохранности в тетради.¹ Пятнадцать таких тетрадей также переданы А. А. Пушкиным в Румянцевский музей. В них заключено до 800 листов с текстами, относящимися к тридцатым годам: „Дубровский“, „Путешествие в Арзрум“, „Медный всадник“, „Родословная моего героя“, неоконченная поэма о Тазите, „Домик в Коломне“, „Русалка“, „Каменный гость“, „Сказка о попе и работнике его Балде“, „Сказка о рыбаке и рыбке“, „Моя родословная“, „Скупой рыцарь“, критические статьи, замечания на „Слово о полку Игореве“, „Египетские ночи“, „История села Горюхина“ и ряд стихотворений.

И, наконец, в последнюю группу входят отдельные листы, не сшитые в тетради.

¹ Сшивка производилась механически: листы, исписанные Пушкиным один за другим, вшивались один в другой. В отдельных случаях делали это очень грубо, прокалывая места рукописи с текстом.

Эти листы, в свою очередь, делятся на две части: листы, оставшиеся без красной нумерации, и листы перенумерованные. Сколько было первых, — определить невозможно; трудно также сказать, сколько существовало листов перенумерованных. Последних было минимум 537, но возможно, что и 556.

В отличие от судьбы тетрадей, история отдельных листов очень сложна. Изложить ее подробно в пределах доклада не представляется возможным. Остановимся лишь на главнейших этапах странствований этих листов. У Жуковского, занимавшегося рукописями Пушкина в 1837—1840 гг., осталось не менее тридцати двух листов нумерованных и не менее девяноста пяти нумерованных. Из последних тринадцать Жуковский, очевидно, раздарил разным лицам. Ненумерованные листы и восемьдесят два нумерованных после смерти Жуковского принадлежали его вдове, а затем сыну Павлу Васильевичу. Последний раздарил разным лицам и учреждениям из ненумерованных листов тринадцать, а из нумерованных — четырнадцать. Все остальные листы П. В. Жуковский в 1883 г. подарил своему приятелю А. Ф. Онегину (1844—1925), страстному собирателю всего относящегося к Пушкину. Из листов, полученных от П. В. Жуковского, Онегин подарил по одному листу двум лицам. В 1909 г. Академия Наук приобрела всё пушкинское собрание Онегина, пожизненным хранителем которого он оставался. В 1922 г. советское правительство заключило с Онегиным договор, по которому его музей стал собственностью „Пушкинского дома“, куда после смерти Онегина весной 1928 г. и поступило все его собрание.

С 1840 по 1850 гг. рукописями Пушкина, остававшимися у Ланских, никто не интересовался, и лишь в 1851 г. И. В. Анненков, близкий к Ланским, заключил с Н. Н. Ланской договор, по которому она уступала Анненкову право издания сочинений поэта за 5.000 руб. К редактированию собрания был привлечен писатель П. В. Анненков, который и работал над рукописями в 1851—1853 гг.

По окончании работы Анненков сдал Ланским только переплетенные и сшитые тетради, большую же часть отдельных листов и нумерованных, и ненумерованных, Анненковы не возвратили. У них осталось не менее тридцати пяти ненумерованных листов, четыре клочка с наброском статьи о французской революции, одиннадцать клочков письма Пушкина к Геккерну и восемь писем к Пушкину с его заметками. Кроме того, у них осталось двенадцать листов, вырванных из тетрадей и вынутых из пачек несшитых листов, и триста пятьдесят два нумерованных листа.

Семь вырванных из тетрадей листов и три нумерованных П. В. Анненков подарил своему знакомому, симбирцу, писателю В. Н. Назарьеву. Вдова и дочь Назарьева продали в 1931 г. эти автографы Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина. Один листок Анненков подарил жене Фета — М. П. Шеншиной. Вдовой ее племянника Н. С. Боткиной автограф был пожертвован в 1918 г. в „Пушкинский дом“.

После смерти Анненкова (8 марта 1887 г.) часть этих листов находилась в ящике его брата Ивана Васильевича. После смерти последнего (4 июля 1887 г.) ящик с рукописями принадлежал его сыну полковнику Ф. И. Анненкову (1843—1903), продавшему их в 1899 г. профессору русской литературы в Петербургском университете Илье Александровичу Шляпкину (1858—1918), который издал в 1903 г. приобретенное собрание в своей книге „Из последних бумаг А. С. Пушкина“.

После смерти Шляпкина это собрание (без одного листка со стихотворением „Ты просвещением свой разум осветил“, неизвестно куда девавшегося) поступило в 1918 г. в „Пушкинский дом“.

Основной частью рукописей Пушкина, оставшихся у П. В. Анненкова, владела его вдова Глафира Александровна, урожд. Ракович (1831—1899), проживавшая за границей. В одной из рабочих тетрадей П. В. Анненкова (с копиями пушкинских текстов), привезенной в октябре 1888 г. Глафирой Александровной в Петербург, пушкинист П. А. Ефремов нашел четыре нумерованных листа из рукописей Пушкина. Эту тетрадь и оказавшиеся в ней автографы Ефремов, по его словам, «взял себе». У него же оказались и два листа, вырванных из тетрадей. После смерти Ефремова (1830—1907) эти автографы принадлежали его племяннице С. А. Ефремовой, от которой поступили в „Пушкинский дом“.

В июле 1897 г. в усадьбе имения, принадлежавшего мужу Г. А. Анненковой, при с. Чирькове (в 55 км от Симбирска), член симбирской архивной комиссии Д. И. Сапожников нашел в сарае, среди заплесневелых и полусгнивших книг, шестнадцать нумерованных листков текстов Пушкина и продал их Румянцевскому музею (ныне Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина).

Г. А. Анненкова передала находившиеся у нее рукописи акад. Л. Н. Майкову, подготавливавшему к печати со второй половины восьмидесятых годов академическое издание собрания сочинений Пушкина. Из этих рукописей Л. Н. Майков подарил четыре листка: два листка Л. Ф. Пантелееву и два в Пушкинский музей Александр-

ровского лицея, откуда в составе всех собраний музея листки поступили в 1917 г. в „Пушкинский дом“. Один из листков Л. Ф. Пантелеев подарил Е. В. Тарле, а другой отдал в „Пушкинский дом“.

Одиннадцать листков из оставшихся после смерти Майкова поступили в Библиотеку Академии Наук, а в 1931 г. они были переданы в „Пушкинский дом“. Всеми остальными рукописями Пушкина, принадлежавшими Л. Н. Майкову, владела его вдова Александра Алексеевна Майкова (1841—1915). Тринадцать нумерованных листов она подарила вел. князю Константину Константиновичу (1858—1915), по завещанию которого эти автографы в 1923 г. поступили в „Пушкинский дом“.

Четырнадцатый листок Майкова подарила помощнику мужа в его работах по Пушкину, редактору академического издания переписки поэта, В. И. Саитову. Последний подарил автограф вел. князю Олегу Константиновичу (1892—1914).

Дальнейшая судьба этого автографа (черновика стихотворений „Труд“ и „Кавказ“) неизвестна. Пятнадцатый листок оказался в Русском музее, откуда поступил в „Пушкинский дом“. В 1904 г. Майкова подарила два листа, вырванных из тетради, Николаю II. Листы эти оказались в его библиотеке, в Зимнем дворце, а теперь хранятся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи. Все остальные автографы Майкова в том же году принесла в дар рукописному отделению Библиотеки Академии Наук. Всё это „майковское“ собрание в 1931 г. перешло в „Пушкинский дом“, составляя центральное ядро этого богатого собрания рукописей Пушкина.

У Н. Н. Ланской, а затем у старшего сына Пушкина из отдельных листов (после того, как они побывали у Жуковского и Анненкова) осталось семьдесят шесть. Из них один листок, подаренный Александром Александровичем педагогу Ф. Ф. Эвальду (1813—1879), в 1926 г. поступил в „Пушкинский дом“. Все остальные листы вошли в число рукописей, пожертвованных сыном поэта в Румянцевский музей в 1880 г.

Такова история отдельных листов рукописей Пушкина, находившихся у Жуковского и Анненкова.

Основной фонд рукописей Пушкина — переплетенные и спитые-жандарманн из отдельных листов тетради, после работ над ними И. В. и П. В. Анненковых, были ими, вероятно в 1853 г., возвращены Ланским.

По семейному разделу имущества между детьми Пушкина во второй половине пятидесятых годов, рукописи поэта, за исключением

его писем к Наталье Николаевне, сделались собственностью старшего сына Александра Александровича. Владел он этими рукописями более двадцати лет, почти никому из редакторов и биографов Пушкина их не показывая.

Только в 1880 г. тетради поэта были доставлены А. А. Пушкиным на выставку Общества любителей российской словесности в Румянцевском музее. Тогда же под влиянием П. И. Бартенева и хранителя отделения рукописей Румянцевского музея А. Е. Викторова (1827—1883) А. А. Пушкин пожертвовал все принадлежавшие ему рукописи отца, за исключением его дневника, Румянцевскому музею.

После смерти Александра Александровича Пушкина (19 июля 1914 г.) дневник принадлежал его сыну Александру Александровичу, а после смерти последнего (3 марта 1916 г.) — внуку поэта Григорию Александровичу. В начале революции дневник находился у родственников Григория Александровича, от которых только летом 1919 г. поступил в Румянцевский музей (ныне Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина).

С третьей книги „Русского архива“ за 1880 г. П. И. Бартнев начал печатать неопубликованные Жуковским и Анненковым тексты Пушкина. По мере использования тетрадей Бартнев сдавал их в Румянцевский музей. Принимавший их А. Е. Викторов дал рукописям инвентарные номера, под которыми они теперь известны в пушкиноведении, и составил на них краткую опись, напечатанную в „Отчете“ Румянцевского музея за 1879—1882 гг. (М., 1884).

С конца 1882 г. рукописи Пушкина стали доступны для всеобщего пользования. В. Е. Якушкин опубликовал в „Русской старине“ за 1884 г. подробное описание этих рукописей, являющееся в течение более пятнадцати лет одной из главнейших работ по пушкинским текстам. В настоящее время Всесоюзной библиотекой им. Ленина предпринято подробное описание всех рукописей Пушкина, хранящихся в библиотеке.



АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

СТО ЛЕТ
СО ДНЯ СМЕРТИ
А.С. ПУШКИНА

ТРУДЫ
ПУШКИНСКОЙ СЕССИИ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

1837 — 1937

Издательство Академии Наук СССР
Москва-Ленинград

1 9 3 8